

Вечером поисково-собираательный отряд вернулся в лагерь. Это снова был богатый улов, особенно учитывая, что сегодня один из мужчин смог выжить из пасти Красноголового Ядовитого Короля. Члены отряда наперебой, приукрашивая и сгущая краски, рассказывали о пережитой опасности. Некоторые охотники, вернувшиеся из вылазок, отнеслись к этому весьма скептически, тогда члены отряда общими усилиями вытащили из рюкзака Цин Фэй змеиную тушу. По лагерю пронесся дружный испуганный вздох, а взгляды, которыми все смотрели на Цин Фэй, теперь были наполнены благоговейным трепетом.

Потрясенный Рума позвал к себе Баэра, укушенного Красноголовым Ядовитым Королем, и внимательно осмотрел его раненую руку. Рана на руке была покрыта слоем зеленых измельченных трав, от которых исходил терпкий, горьковатый аромат. Рума осторожно соскреб ногтем немного трав с края раны, растер их между пальцами и поднес к носу — его глаза тут же засияли. По запаху он узнал две травы из тех, что были в смеси, но ему и в голову не приходило, что их можно использовать вместе. К тому же цвет и запах казались намного лучше, чем у его собственных черных как смоль мазей.

— Э-э... это тоже сделал Цин Фэй? — с удивлением спросил он Баэра.

Баэр честно кивнул:

— Да, это лекарство просто прекрасное. Стоило наложить его, как в ране словно повеяло прохладным ветерком, и боль сразу прошла. Цин Фэй сказал, что на эти дни я останусь в селении, и если не мочить рану, то после смены повязки еще два-три раза все полностью заживет.

— Отлично, просто отлично... Этот малыш — настоящее сокровище! — Рума взволнованно погладил бороду, чуть не выдернув последние козлиные волосы.

И лишь Салей с мрачным лицом грозно предупредил Цин Фэй, что если тот еще раз так безрассудно рискнет, он отпорет ему задницу. С этими словами Салей перевел взгляд на клинок, которым Цин Фэй убил Красноголового Ядовитого Короля. Протянув правую руку ладонью вверх, он знаком потребовал, чтобы Цин Фэй отдал ему вещь. Цин Фэй замялся и нехотя протянул армейский нож, но Салей дернул раз-другой, однако вытянуть его не смог.

Нахмурившись, он вернул нож Цин Фэй. Тот уже было мысленно возликовал, как вдруг услышал слова Салея:

— Вытащи его.

Под угрожающим взглядом Салея Цин Фэй против воли нажал на фиксатор и извлек клинок. Все вокруг невольно ахнули: в лучах заходящего солнца армейский нож сверкал устрашающим холодным блеском. В глазах окружающих такое острое оружие выглядело настоящим божественным артефактом.

Глядя на то, как лицо Салея переполняет невероятный, восторженный шок, Цин Фэй скривил губы и мысленно выругался: «Дикий деревенщина».

Не успел он закончить ругань, как Салей стремглав побежал обратно в палатку и вынес второй армейский нож. Он нажал на фиксатор, вытащил клинок, взвесил его в руке и пару раз взмахнул. Чем больше он смотрел, тем больше ему нравилось. Переведя взгляд на Цин Фэй и заметив у того кислую мину, Салей не выдержал и громко рассмеялся.

— Эти две вещи теперь мои, — с лукавой ухмылкой заявил Салей.

— Чушь собачья, ты что, разбойник?! Это моя вещь, с какой стати она твоя? Да еще забрал сразу обе... — Цин Фэй от злости подпрыгнул на месте. Он-то думал, что если тот заберет один, то хоть второй оставит ему, но кто же знал, что этот тип окажется настолько жадным.

Увидев, как тот подпрыгивает от негодования, Салей хитро прищурился:

— Если сегодня ты отдашься мне, я возьму только одну.

— Да чтоб тебя... — Цин Фэй окончательно взбесился, его вид так и кричал о готовности броситься в драку не на жизнь, а на смерть.

Заметив, что тот и правда вышел из себя, Салей перестал дразнить Цин Фэй и вернул ему тот армейский нож, которым парень пользовался изначально:

— Ладно, одну оставляю себе, так пойдет?

Цин Фэй проворчал с недовольным видом:

— То-то же.

Но, подумав секунду, понял: погоди-ка, с какой стати этот тип отобрал его вещь, да еще и выглядит так, будто это ему невероятно повезло? Цин Фэй заскжетал зубами от досады, но поделать ничего не мог: их силы и возможности с этим «главарем разбойников» были слишком неравны.

Вечером все развели костры, стали запекать батат и варить мясной суп с бататом — назревал очередной вечер у костра.

Глядя на довольные лица соплеменников, Цин Фэй успокоился — в конце концов, возможности для всего рода собраться за общей трапезой выпадали нечасто.

С тех пор как Цин Фэй прибыл в племя, подобных «общих котлов» было всего два. Обычно еды не хватало, и ее распределяли по семьям. Чтобы охотники были сытыми и у них хватало сил на охоту, остальным членам многих семей часто приходилось голодать. Из-за этого все племя испытывало к Цин Фэй глубокую благодарность.

Пока все были заняты делами, Цин Фэй подобрал те две змеиные туши. Притащить их назад он решил вовсе не для того, чтобы покрасоваться. Змеиная голова была ядовитой и совершенно

несъедобной, внутренности, разумеется, тоже не годились в пищу, к тому же требовалось тщательно снять шкуру и смыть всю кровь. Однако Цин Фэй не стал выбрасывать полезные змеиную желчь и яд — пока никто не видел, он тайком сложил их в герметичные флаконы из своей аптечки. Затем он велел Салею установить в палатке небольшой помятый каменный котел и приготовился варить змеиный суп.

Котел, конечно, назывался маленьким лишь по сравнению с гигантскими каменными чанами размером с квадратные бани, которые использовались для общих трапез племени; на деле же эта посуда походила на огромный таз для стирки.

Салей послушно развел огонь и вскипятил воду. Цин Фэй вернулся в палатку и высыпал содержимое своего мешка из шкуры. Благодаря раненому Баэру он всю дорогу туда и обратно был предельно внимателен: стоило ему заметить похожие травы, как он тут же пытался их выкопать, следуя заветам Шэнь-нуна, перепробовавшего сотню трав. В итоге он набрал лишь обычных дикорастущих трав для наружного и внутреннего применения, обладавших вполне безобидными свойствами.

В процессе поисков Цин Фэй неожиданно обнаружил несколько видов пряных растений и съедобных ингредиентов, попросив всех остальных запомнить их и научиться распознавать. Поскольку главной задачей сегодня было донести обратно батат, особо много собирать не стали — лишь Цин Фэй выкопал найденный дикий лук и дикий чеснок. Кроме того, ему попался корень фиолетового растения, способного служить подсластителем; имбиря найти не удалось, но и это уже было большой удачей.

Цин Фэй отобрал часть пряных ингредиентов, вымыл их, достал армейский нож, измельчил и бросил в закипевшую воду. По мере того как вода бурлила, аромат специй стал постепенно распространяться вокруг. Довольно улыбнувшись, Цин Фэй закинул в воду нарезанные кусочки змеиного мяса. Мясо оказалось очень нежным: поварившись в кипятке пару минут, оно начало источать аппетитный запах. Вскоре густой и непередаваемо сладкий мясной аромат в воздухе заставил всю толпу сглатывать слюнки, глядя на каменный котел. Дети осмелились подойти ближе и наперебой стали спрашивать, что это варится в котле. С улыбкой велел им принести посуду, Цин Фэй стал зачерпывать готовый змеиный суп по костяной поварешке на каждого ребенка, выстроившегося в очередь.

Когда орава маленьких лакомок получила свою порцию, на дне котла осталось чуть меньше половины супа. Тогда Цин Фэй налил немного беременным и кормящим самочкам, затем — нескольким старикам и увечным мужчинам племени, включая пострадавшего сегодня Баэра. На полные тоски взгляды крепких мужчин Цин Фэй решил пока не обращать внимания. Наконец, наполнив доверху каменную чашу, он отнес ее Руме и Сяо Бу.

Лицо Салея постепенно помрачнело; угрюмо поужинав из «общего котла», он в одиночестве ушел в палатку.